

ТЕАТР

НОВЫЕ ВСТРЕЧИ
И СТАРЫЕ ТЕМЫ

ЗАКОНЧИЛ свои гастроли в

Горьком Казанский русский большой драматический театр имени В. И. Калалова. Закончилось и гастрольное лето в нашем городе. Под занавес хотелось бы поговорить о некоторых важных для творческого театрального опыта вопросах, об особенно существенных итогах гастролей.

Казанский русский театр в нашем городе любят и знают — не в первый раз мы встречаемся с калаловцами. Они сохранили свое есаство за душой, лучшие свои традиции, творческий «почерк». Наторопливый, обстоятельный психологический анализ, вдумчивый подбор деталей, без разменивания на мелочи, по крупицам счету, по глазной сути, чуть холодноватая раздумная простота конструкции каждого спектакля, образное, органичное сочетание условий в «малозорности» и оформлении... Очень русский театр.

Актерский коллектив в большинстве своем обладает добротной квалификацией, уверенным творческим самоощущением, хорошей простотой и правдивостью сценического поведения. С большим удовольствием горьковские зрители встратились вновь с такими актерами, как В. Улик, показавшаяся в своих новых, очень ярких работах, Г. Егоров, Б. Шакин, Н. Алексеева, П. Бетва, Ю. Карева, отметили значительный творческий рост Е. Кузина, Л. Мажлаковой, В. Кешнера, М. Кобчиковой, Ю. Федотова.

Горьковчане летом встречались с несколькими драматическими театрами, у которых были свои, особые творческие задачи и поиски. Выяснилось, что большинству зрителей нравится именно такое направление, которое избрали каланцы: как-то естественнее, ближе к жизни, не «лезут в глаза» формальные ухищрения и ужо-эстетические зада-

чи. Всюду в спектаклях каланцев на первом плане — проблемы человеческого поведения, исследование жизни сердца, судеб, общественной морали, этических ошибок и побед человека. Это оказалось особенно привлекательным для зрителя и выявилося по преимуществу в спектаклях такого «бесхитростного», «простонародного» плана, как «Я, бабушка, Илико и Илларион», «Без ветрила», где исследуется народный характер, где судятся личности впрямую и без затей, неглядя связываются с судьбами народов и государств.

На этом пути многое можно сделать, только нужно быть смелее. Очень жаль, что каланцы вроде бы конфузятся такой правдивой простотой, во всяком случае, в гастрольной афише эти спектакли были единичным явлением. А почему, собственно? Стоит поразмышлять по этому поводу. Ища свою излюбленную тему, театр, к сожалению, не всегда задумывается над характером драматургического материала, забывает о происхождении авторской идеи, слишком берет на веру авторские позиции. С этой точки зрения интересно взглянуть на некоторые наиболее посещаемые зрителем спектакли.

«Медея» Ануия (режиссер В. Миллер) — актерский триумф В. Улика, победа ее художественной страстности и разума, темперамента и великолепной техники. Ради одного этого, вероятно, следовало поставить пьесу, дающую такие возможности прекрасной актрисы. Но ведь надлежало по-

думать и первую очередь о целом — о талантливой пьесе талантливого автора, о том, что она «черная». «Черная» — это ведь не просто кокетливое авторское определение, это обнаженная суть драмы Ануия, его взгляд на мир и на человека.

Везде, где у нас ставят пьесы Ануия, Сартра, Уильямса, усиленно ищут оправдания, и аргумент всегда один — антибуржуазность этих авторов, презрение к мещанству, к его морали и т. д. Но протест незаурядной личности против лживой морали выражается здесь лишь в жестоком индивидуализме, в преступлении, в откровенной аморальности. И вот парадокс: «антибуржуазность» героя сплывет в мифом, призраком, утешительной ложью. Стоит вспомнить знаменитое ленинское «кому это выгодно», и все становится на свои места. Аморализм выгоден буржуазии, против которой якобы выступает герой. Декаденты всех времен сражались против купеческого брюха, а купцы с удовольствием приглашали их расплывать свои стильные соблазны и брали на содержание декадентские журнальчики. Но к чему повторять азбучные истины? Только вот почему-то у нас их часто вспоминают лишь задним числом...

Еврипид в своей «Медее» бросил вызов несправедливости богов, искренне веря в существование богов. Счеты античного человека с античными богами — явление совсем иного порядка, нежели то, что пытается сказать о жизни наш современник Ануий,

используя сюжет Еврипида. Мы его должны судить по сегодняшнему счету. И тут — обступают, теснят со всех сторон жемане, кровоточащие, воплящие о своей боли свидетели современности. Фашизм тоже бросал — и бросает — «вызов» буржуазности и мещанству. «Сатана» — «герой» голливудского процесса, циничнейший убийца, тоже декламирует о своей ненависти к буржуазному правопорядку... Так что же — верить?..

Наверное, нужно просить прощения за «истию» публицистику, когда речь идет о художественном явлении. Тем более, справедливость требует признать, что театр сделал акцент на том, что преступления похищают личность изнутри, что разбол Мадья закономерна. Но ведь художественную ткань произведения искусства не так-то просто переключать...

Гораздо проще и яснее протест человечности против мещанской социальности выражен в «Обыкновенной истории». Я не поклонница розового инсценирования, на мой взгляд, она уж слишком модернизирует роман Гончарова. Однако постановщик спектакля Н. Орлов при помощи пантомим, перемежающих основные сцены, добивается чуточку прямолинейного, но, в общем, закономерного акцентирования социального, исторического смысла произведения. Актерский спектакль — ровный, дружный, хотя и несколько «тягучий» по талпу. Наиболее интересна работа В. Кешнера в роли Адуева-младшего, хотя способный ак-

тер слегка «наимичает», особенно во второй части спектакля.

Та же тема о борьбе с мещанством становится главной в спектаклях «Всего тринадцать месяцев» (Пушкин в Одессе) — режиссера В. Соловьева и «Дело о любви» («Частный случай») — режиссера В. Стрижова. Пьеса Ю. Дынова о Пушкине по содержанию своему слишком хрестоматийна, чтобы быть интересной, а по форме — откровенно слаба (о великом поэте — и такими плохими стихами!). Спектакль получился скучным и каким-то скованным.

Роль поэта исполняют В. Кешнер и Ю. Федотов. Первый, при очень удачном портретном сходстве, поняв свою роль несколько внешне, есть некоторая поза, отчужденность от партнеров. Ю. Федотов не позоботился о внешнем сходстве, что немалого шокирует зрителей, зато содержание образа глубже и богаче. Актер подчеркивает несродность гения с окружающими его людьми, а том числе и с любимой женщиной, пламенеет жизни, молодость и — хоть это и необычно — скрытую гордыню, духовное родство с Байроном. Конечно, это лишь лучик от пушкинского сияния, но что еще можно было извлечь из косновозычно «эголобомысленного» текста пьесы Ю. Дынова? И если уж о Пушкине — почему такая пьеса?

Пьеса «Частный случай» Д. Павловой и В. Токарева тоже весьма слаба. Речь идет о «классическом» случае — историческом разводе, о праве общечеловечности судить о личных отношениях людей. Единственная мысль пьесы — и весьма трезвая, кстати, — о том, что в

каждом таком случае нужен сугубо индивидуальный подход. Банальность этого вывода поистине удивительна, но смотрится спектакль с интересом из-за своей исключительной простоты, прекрасного ансамбля (особенно выделяются актерские работы Е. Кузина, В. Улика, Ю. Федотова, Ю. Каревой), какой-то человеческой теплоты и сердечности. И все-таки — на что в данном случае расходуются богатырские силы?

Забота об идейной ясности и правде, о художественной полноценности драматургического материала на путях решения своей любимой темы в искусстве... Об этом надо думать коллективу калаловцев, вернее, чаще об этом вспоминать.

Кое в чем приходится повторять старые упреки, сделанные нами в прошлый раз, когда Казанский театр был у нас на гастролях в 1967 году. Жанровые искания театра несколько одноцветны: либо мелодрама, либо комедийно-гротескового плана. В спектакле «Хищница» (режиссер Г. Егоров) изменился состав исполнителей, но все грехи исполнения и общего решения остались неприкосновенными.

«Госпожа министерша» (режиссер С. Ярмолинец) — очень яркий спектакль, но за счет исполнителей (Н. Алексеева, В. Улик, Ю. Коршок, Ю. Федотов, Г. Прытков и другие), общее же решение так подчеркивает «безумию смешное», что социальная направленность приглушается.

Проблемы творческого роста и развития Казанского театра, конечно, остаются проблемами, но гастрольные поездки любого театра — всегда интересная проверка собственных решений, дум и планов. В этом смысле — и только в этом — следует рассматривать сделанные нами замечания и пожелания нашим друзьям-калаловцам.